

ТРИ ПИСЬМА ГРАФИНИ Е. Е. ЛАМБЕРТ К И. С. ТУРГЕНЕВУ

Публикация В. А. Лукиной

Истории знакомства И. С. Тургенева с Е. Е. Ламберт суждено было стать одной из наиболее лиричных и светлых страниц в жизни писателя. Несмотря на то, что значительная часть продолжавшейся более десяти лет довольно оживленной переписки Тургенева с гр. Ламберт сохранилась, биографические сведения о самой Елизавете Егоровне довольно скупы. Отчасти это обусловлено тем, что на 115 известных писем и записок писателя к гр. Ламберт, охватывающих период с 9 (21) мая 1856 г. по 29 апреля (11 мая) 1867 г.,¹ приходится всего лишь 53 ответных письма. Из них 50 писем, хранящиеся в Парижской Национальной библиотеке и впервые опубликованные проф. А. Гранжаром в 1960 г.,² относятся только к периоду 1859—1862 гг. Оставшиеся до сих пор неопубликованными три письма гр. Ламберт к Тургеневу, находящиеся в РО ИРЛИ (№ 5835),³ не только привносят в портрет графини Ламберт новые черты, но и позволяют восполнить некоторые пробелы в опубликованной переписке, существенно расширяя ее временные границы. В этих замечательных, невзыскательных, но согретых сердечным теплом письмах со всей полнотой раскрывается душевный облик незаурядной женщины, известной своей религиозностью, строгостью нравственных принципов и тяготившейся своим положением в светских петербургских кругах.

Графиня Елизавета Егоровна Ламберт (1821—1883) родилась в семье видного государственного деятеля, занимавшего с 1823 по 1844 гг. пост министра финансов, графа Егора Францевича Канкрин и жены его Екатерины Захаровны (урожд. Муравьевой),

¹ Эти письма были переданы в 1883 г. графиней Ламберт Александру Дмитриевичу Свербееву (1835—1917), действительному статскому советнику, занимавшему в то время пост Самарского губернатора, который позже подарил их императорскому Московскому Румянцевскому музею (ныне значительная часть его коллекций хранится в Российской государственной библиотеке). Впервые письма Тургенева к гр. Ламберт были опубликованы Г. П. Георгиевским: частично в 1914 г. в журнале «Голос минувшего» (см.: И. С. Тургенев в переписке с графиней Е. Е. Ламберт // Голос минувшего. 1914. № 10. С. 186—231), а затем полностью отдельным изданием: Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт / Предисл. и прим. Г. П. Георгиевского. М., 1915.

² См.: *Granjard H. Ivan Tourguénev, la comtesse Lambert et «Nid de seigneurs»*. Paris, 1960 (далее в ссылках: *Granjard*, с указанием страниц).

³ Незначительные отрывки из этих писем приводятся в комментариях к первому и второму академическим изданиям Полного собрания сочинений и писем И. С. Тургенева.

сестры декабриста, члена Южного общества Артамона Захаровича Муравьева. Она вышла замуж за гр. Иосифа Карловича Ламберта, воспитанника Ришельевского Лицея в Одессе, быстро сделавшего себе завидную карьеру при дворе наследника престола, а впоследствии императора Александра II. Как замечает Г. П. Георгиевский, блестящее воспитание, личные качества и высокое положение в петербургском обществе графини Ламберт сделали ее дом предметом искательства для столичной молодежи.⁴

Знакомство и сближение с гр. Ламберт произошло в сложное для Тургенева время, в «мгновенье перелома», когда все его мысли были заняты горькими размышлениями о поисках «пристани», об устройстве своей дальнейшей судьбы. Именно на этот тяжелый период 1856—1863 гг., когда в душе писателя происходили колебания, где установить ему для себя главное местопребывание, как обустроить свою личную жизнь, приходится расцвет его отношений с Е. Е. Ламберт. Отсутствие необходимости «показываться с лицевой стороны», чуткое понимание графини, ее живое и деятельное участие в судьбе писателя, страстное желание и надежда удержать его в России оказали Тургеневу огромную психологическую поддержку и во многом помогли удержаться «на волнах жизни».

Потребность в постоянном общении сказалась в частых и особенно «длинных», по определению Тургенева, письмах этой поры. Излюбленным временем гр. Ламберт для длинных, обдуманых писем были ночные часы, когда на нее слетает «ангел тишины», вокруг наступает «мертвое молчанье, тишина страстей людских, а своя собственная жизнь горит в душе и проявляется такими мыслями и словами, что днем их ни за что не найдешь».⁵ Сама графиня называла такие письма «душевными» и очень трепетно подходила к их написанию, считая необходимым братья за перо только «под влиянием серьезного и даже религиозного направления духа».⁶ Именно в такой тональности выдержано первое из публикуемых писем, датированное 24 мая (5 июня) 1856 г. и написанное гр. Ламберт из Ревеля, куда она прибыла в тот же день утром, в ответ на письмо Тургенева от 9 (21) мая, открывшего всю дальнейшую переписку.

Точное время знакомства Тургенева с семейством Ламберт не установлено и относится исследователями приблизительно к первой половине 1856 г., к тому периоду, когда Тургенев находился в Петербурге и был занят хлопотами о разрешении на выезд за границу, в получении которого не исключена непосредственная помощь Е. Е. Ламберт. Г. П. Георгиевский сделал предположение, что «самое знакомство с графиней состоялось лишь в конце его (Тургенева. — В. Л.) пребывания в Петербурге, незадолго до отъезда в Спасское»,⁷ состоявшегося 3 (15) мая. Косвенно предположение Георгиевского подтверждается свидетельством самой гр. Ламберт, вскользь упомянувшей в первом письме к Тургеневу о том, что они виделись за все время непродолжительного знакомства «не более пяти раз».

Письмо гр. Ламберт начинается с благодарности за «милое письмо» Тургенева от 9 (21) мая и теплых воспоминаний о недавних личных встречах в Петербурге, об особо памятном и, по-видимому, на тот момент единственном посещении Тургеневым дома Ламберт на ул. Фурштатской, во время которого они с графиней «беседовали, как старые друзья, потерявшиеся из вида», в ее «задушевных комнатах» «в верхнем этаже». Уже из первого письма гр. Ламберт видно, что Тургенев посвящал ее практически во все подробности своей жизни. О доверительном характере завязавшихся отношений говорит и упоминание «о том прекрасном Соловье, который пел на берегах Невы», и знание особенно ярких и восхищавших Тургенева образов, созданных на сцене Полиной Виардо.

⁴ Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. С. VII.

⁵ *Granjard*. P. 128.

⁶ *Ibid.* P. 71.

⁷ Письма И. С. Тургенева к графине Е. Е. Ламберт. С. X.

Под пером гр. Ламберт оживают отголоски недавних бесед и споров. Так, большая часть письма посвящена рассуждениям о литературе, о Пушкине, в котором она видит, прежде всего, «человека», т. е. того, кто «пробуждает лишь одни страсти». Замечая, что основу произведений поэта составляют «жизнь, любовь, тревоги, воспоминания», графиня настаивает на негативном воздействии, оказываемом на читателя этим пушкинским «огнем», и противопоставляет «материализму» Пушкина, а за ним и Тургенева, преимущественно духовную литературу, отдавая предпочтение «песням», сложенным «простыми умами, но вдохновенным сердцем или самим Богом». Несмотря на страх перед пушкинским «огнем», строки из «Евгения Онегина» проходят рефреном через все письмо. Рисуя воображаемые картины из жизни Тургенева в Спасском, гр. Ламберт представляет его Евгением Онегиным, который «отправился в свое поместье» и «шлется соседок». Здесь же дан замечательный портрет писателя, «небрежно» входящего в гостиную и навещающего «лорнет на картины, украшающие комнаты». Не забыты были «красноречивое русское слово» и знаменитая «французская речь» Тургенева с «неподражаемым парижским акцентом».

Много внимания уделено описанию первого дня пребывания самой графини в Ревеле, городе, где она, по собственному признанию, «провела самое приятное время» своей жизни. В письме упоминаются многие общие знакомые гр. Ламберт и Тургенева, члены их семей, многочисленны и другие подробности, имеющие биографическую ценность. Любопытно, например, признание гр. Ламберт в том, что она «мало училась грамоте, и то урывками в зимнее время, до 16 лет, когда кончила воспитание».

«Родным» языком Е. Е. Ламберт был французский, на котором она любила говорить «с дней первого детства» и который ей был «знаком и мил». ⁸ В письмах к Тургеневу она неоднократно сетовала на плохое знание русского языка, считая это недостатком своего образования: «Надо Вам сказать, что я грамматике плохо училась, а о синтаксисе помину не было. В нашем доме — Горбунов два года учил нас по-русски — литературой не занимались и под диктовкой писали мы с сестрой (avec des coupures) две поэмы Пушкина», «Бахчисарайский фонтан» и „Цыгане“, о других поэтах вряд ли мы слышали». ⁹ Тем не менее, большинство писем к Тургеневу Е. Е. Ламберт стремилась писать по-русски, обосновывая это тем, что человек «чувствует потребность говорить и писать на собственном языке, как бы плохо он его не знал». ¹⁰ В одном из поздних писем к Тургеневу она даже признавалась, что со временем «привыкла изъяснять лучшие чувства души на родном языке». ¹¹ Однако, по наблюдению А. Гранжара, когда Елизавета Егоровна писала на скорую руку, не имея возможности обдумать написанное, или сильно уставала, она всегда прибегала к более привычному и удобному французскому языку, называя его за это вслед за Тургеневым «фигляром без костей». Не случайно практически все небольшие записки делового характера написаны ею по-французски. Сам Тургенев отмечал в русских письмах графини некоторую искусственность и «усилие в отыскивании выражений», ¹² как будто она все время мысленно переводила с французского.

Второе из хранящихся в РО ИРЛИ писем гр. Ламберт к Тургеневу относится к более позднему периоду. В нем нет уже того поэтического, порой элегичного, порой несколько шуточного настроения, как в первом. Написанное после ряда трагических событий, обрушившихся на гр. Ламберт — смерти старшего брата Валериана Егоровича Канкрин и последовавшей за ней вскоре смерти единственного сына Якова Иосифовича Ламбер-

⁸ Granjard. P. 80.

⁹ Ibid. P. 90.

¹⁰ Ibid. P. 64.

¹¹ Ibid. P. 80.

¹² Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. М., 1987. Т. 3. С. 106. Далее цитируем по этому изданию.

та, — оно проникнуто горечью и болью утраты. На бумаге сохранились следы слез. Наметившееся в этом письме «разноречие», еще более усугубившееся после окончательного решения Тургенева связать свою жизнь с семьей П. Виардо и обосноваться за границей, с большей силой проявилось в третьем, последнем по времени написания из известных нам писем гр. Ламберт к писателю. По-видимому, все более возрастающее непонимание и неодобрение, высказывавшееся графиней Ламберт по поводу характера литературного творчества Тургенева после «Дворянского гнезда», отчасти послужили причиной последующего охлаждения и постепенного прекращения отношений, произошедшего, возможно, по инициативе самой Елизаветы Егоровны. Не случайно в последних известных нам письмах гр. Ламберт к Тургеневу настойчиво повторяется мысль о «разъединении», о возникшей между ними «стене», о том, что она стала ощущать себя «почти чужою» в жизни писателя, «каким-то отдаленным воспоминанием, теряющим свою цену с каждым днем».¹³

Несмотря на то, что после 1867 г. гр. Ламберт «исчезает» из биографии писателя,¹⁴ самые дружеские чувства к этой женщине, любовь и уважение к ее «доброй душе», «нежному и тонкому уму» Тургенев сохранил до конца своей жизни. Красноречивым свидетельством того неизгладимого впечатления, которое Елизавета Егоровна оставила в душе Тургенева, являются навеянные ею страницы многих произведений писателя.

Письма публикуются с соблюдением современных норм орфографии и пунктуации, однако характерные неправильности и особенности авторского написания (напр., употребление тире внутри фраз) максимально сохранены. Слова, подчеркнутые гр. Ламберт, воспроизводятся курсивом, в квадратных скобках восстанавливаются зачеркнутые слова.

1

24 мая (5 июня) 1856 г. Ревель

Ревель. 24 мая 1856 года.

Иван Сергеевич, что Вы за добрая душа! Люблю я Ваши речи, Ваш светлый ум, люблю особенно Ваше милое письмо,¹ это второе — Вы (не всем принадлежащее, как первое) — но проявившееся, хоть на короткое время, для меня одной. — Я на Вас пеняла в Петербурге. — Мне казалось, Вы забыли своего обещания и тот вечер в моих задушевных комнатах, когда мы с Вами беседовали, как старые друзья, потерявшиеся из вида. — После долгой разлуки они передают друг другу много мыслей сердечных, новоприобретенных понятий, случаи из жизни своей. Задушевыми комнаты в верхнем этаже называются потому, что я в них живу с собою и с друзьями, а внизу принимаю лишь только гостей. Если там и бывают друзья, то они, на время, уподобляются чужим. Зато подчас и наверх заберутся ко мне люди не совсем мне по сердцу — *cela rétablit l'équilibre.*^a Вас же мне было особенно

¹³ *Granjard*. P. 176.

¹⁴ Последнее по времени упоминание о Е. Е. Ламберт содержится в тургеневском письме к П. Виардо и относится к марту 1871 г., когда писатель, по-видимому, встречался с графиней во время своего непродолжительного пребывания в Москве (см.: *Тургенев*. Письма. Т. 11. С. 50).

^a это восстанавливает равновесие (*франц.*).

приятно видеть хоть раз у себя. Вы из тех людей, которых надо полюбить сейчас или никогда; — Вас нельзя изучать. Вы Протей,² ускользающий от наблюдения; — а иногда ребенок с такою чудной простотой, что только сердцем можно догадаться (ум высокомерен и не любит уроков), — сколько кроется тонкой иронии в добродушном сознании о неведении Вашем в житейских делах или обязанностях света. [Вы меня] Простите меня; — я Вам читала проповедь, а Вы мне доказали на деле, как хорошо Вы знакомы не только с холодными привычками учтивости, но даже с сердечным доброжелательством столь выше всех приличий. — Благодарю Вас за сожаление, изъявленное о слишком поздней встрече со мной.³ — Этого слова довольно, чтоб дать мне о себе хорошее понятие.

Зачем вы посетили нас?⁴

Впрочем, все к лучшему. — Я Вас видела не более пяти раз, но знаю Вас почти совершенно. Перейдя весеннюю пору, в которой женщина должна сжимать в себе просящиеся на волю мысли и чувства, она приобретает, наконец, поздно и дорого, право отступать иногда от обычаев, принятых в общезнании. На скате лет ей можно оказывать некоторое преимущество — достоинству ценить прекрасное, высокое. — Все это позволено, не без того чтоб добрые люди не назвали б такую женщину оригинальною или восторженною.⁵ — Пусть будет так — от чужих языков и дружеских пересудов кто ушел невредим когда-либо? — Вы уехали. Петербург несколько опустел.⁶ Тогда мы стали часто о Вас говорить и старик Дениско,⁷ которого Вы видели у меня, с одушевлением рассказывал о Вас всем и каждому. — Мы думали — что делает Иван Сергеевич? — Забыл нас — отправился в свое поместье — живет Евгением Онегиным — пленяет соседок. — Чей грустный взгляд следит за ним, когда он небрежно входит в гостиную и наводит лорнет на картины, украшающие комнаты. Чье ухо, напряженное внимание ловит красноречивое русское слово или оценивает французскую речь, произнесенную этим неподражаемым парижским акцентом, предмет зависти моей. Чье сердце бьется, когда издали слышен топот его коня, у опушки встречается житель Спасского села, один или при собаках.

Она глядит — и сердце в ней
Забилось чаще и живей.⁸

Вот работают на полях его крестьяне. *Его!* Какое магическое слово и как люди эти счастливы! — думает бедная Татьяна, не замеченная Вами. Влюбленная женщина первая, вероятно, ввела крепостное состояние в политический состав народов, а мужчины алчные, выдумав податное, [соединили] окончательно соединили оба вместе. [Когд<a>] Как бы то ни было — вот еще другое предположение, нами сделанное. У него и солнце, и леса, и пруд, *вероятно*. — *Наверное*, барский дом, заросший сад, роща, где он под вечер вспоминает прошедшее, курит сигары и пьет чай, без чего не обойдется русский человек. Кто же догадается, что у Вас льет дождь и Вы сидите перед письменным столом! — Или же третья картина представляется нашим глазам. Иван Сергеевич

взял ружье, свистнул собак, погрузился в думу и отправился в отъезд-
жее поле — так ли? — Новый Nemrod⁹ стреляет уток (или что б то ни
было) и вздыхает о том прекрасном Соловье, который пел на берегах
Невы.¹⁰ Что за дивные глаза у Вашей птички! но почему же она поды-
мает их к небу так некстати, когда она спускается с голубых полей эфи-
ра на маленький столик, вероятно, французского restaurant,⁶ под тень
зеленого плюща или дикого винограда. — Не спускайся на землю,
птичка небесная! — живи в облаках, качайся на ветвях в садах души-
стых, пой Дездемоною, [Норм<ой>] Розиною, твори роль Fides⁹ в
„Пророке“,¹¹ только не отправляйся завтракать с поэтом. — Ты его
разочаруешь¹² — себя погубишь и от [дру<гих ?>] него же счастье оты-
мешь, потому что все счастье в молодости состоит *едиственно* в по-
этическом взгляде на вещи. На старости оно зарывается в воспомина-
ниях о былом — и на этой могиле изливаются тяжелые и вместе слад-
кие жалобы или сравнения настоящего с прошедшим. Старикам весе-
ло грустить — справедливы поэтому слова Nodier — „Cela semble si bon
de se plaindre que j'ai cru, quelquefois, que c'était là tout le bonheur“.¹³

Сегодня утром приехала я в Ревель. Мне было как-то грустно вер-
нуться после многих лет в тот город, где я провела самое приятное вре-
мя моей жизни. В нанятом мною доме было пусто и холодно — ни
солнца на горизонте, ни людей на большой дороге, ни друзей у подъез-
да. Чуть взошла, мне подали Ваше письмо и другое от сестры.¹⁴ Мне
стало веселей. — Теперь вечер, поздно — небо совсем опустилось на
землю — видно море из окна. — Я пишу и гляжу вдаль. Открывать
нельзя ни дверей, ни окошек, потому что дождь льет ливнем — погода
бушует — ветер гнет деревья и бегаёт по волнам Балтийского залива,
так что, кажется, заметны на них следы его быстрых ног, а дом трясет-
ся на основании — того и гляди — сейчас снесет его за тридевять зе-
мель, в тридесятое государство. — Вещи мои еще не привезли с паро-
хода. — Я приехала в карете по ненависти к воде. Ламп нет, свечи го-
рят тускло — сыро, скучно — не глядела б ни на белый, ни на какой
свет.

Вы говорите весьма милые и справедливые вещи о различии наших
мнений и о симпатии чувств — согласна, я думаю и говорю не так, как
Вы — но чувствовать умею. Этого довольно для добрых людей, чтобы
сблизиться в скором времени. Софье Яковлевне¹⁵ передам Ваш по-
клон — муж странствует далече¹⁶ — благодарю за причину располо-
жения Вашего к Mme Vériguine.¹⁷

Я бы приняла Ваш совет заняться Пушкиным¹⁸ хоть бы для того,
чтоб иметь с Вами что-нибудь общее — но Бог знает, что мне ничего
не следует читать, кроме Акафиста. В душе моей часто бывает темно.
Мне нужен свет — его найду я в песнях, сложенных простыми умами,
но вдохновенным сердцем или самим Богом. Пушкин — человек, он

⁶ ресторана (франц.).

⁹ Фидес (франц.).

¹¹ «Жаловаться так приятно, что иногда кажется, будто в этом-то и состоит счастье»
(франц.).

¹² г-же Веригиной (франц.).

пробуждает лишь одни страсти — не потому ль его любят женщины и поэты? — В нем есть жизнь, любовь, *тревоги*, воспоминания. Я боюсь огня. За то и Ваши страницы не попадутся мне более на глаза. Еще скажу Вам, почему я не могу читать — не смейтесь надо мной. — Невольно я присваиваю себе слог любимого писателя. Если я желаю высказать свою мысль, то передаю эту мысль словами, похожими, как карикатура, на те слова, которые поразили мой ум в книге, читаемой мной. Этот недостаток ума, *je veux dire le défaut d'esprit et non le manque, ne peut s'appeler [1 нрзб.] la faculté d'assimilation, mais une facilité de pastiche sans mérite réel, qui a l'inconvénient d'une imitation vague souvent désagréable* — *ce n'est pas faire mon éloge sans doute — c'est une infériorité de conception intellectuelle que je constate avec humilité.* — Vous me direz que pour ce que j'écris, je puis faire ce que bon me semble, puisque je ne vais ni à l'impression ni à la postérité.^е Извините, не пришлось сказать по-русски: трудно и долго было б мне переводить. Есть люди, которые пишут, худо ли хорошо ли, своими собственными словами — (как предлагал кто-то сказать Отче наш¹⁹). — Я не из них — чужой ум мне всегда нравится более моего — оно было бы справедливо — не следует мне увлекаться формой, потому что я до нее достигнуть не могу. Взамен пространен моральный мир, можно думать много и хорошо, хоть и этот богатый рудник, говорят, истощен со времен Соломона, мудрого царя, не признававшего ничего нового под солнцем.²⁰ Но облекать эти почерпанные в общей сокровищнице сердца человеческого мысли не так легко и дано каждому в известной степени; — я, вероятно, не получила того дара, *ni peu ni prou comme on dit en vieux français*.^{*} — Во мне только развита способность понимать, что я заимствуюсь (так! — *В. Л.*) у других, хоть не умею делать иначе.

Граф<ини> Толстой я не знаю вовсе — если у нее ручки не красивы, это, верно, потому что ее еще никто не любил.²¹ Женщина, которую любят, перерождается — в ней все хорошо даже для чужого глаза. Какая-то красота дышит в существе, любимом кем бы то ни было.

Скажите мне, зачем Вы не верите счастью???

Я Вашего дядю²² люблю с того вечера, когда Вы рассказали мне, как он на Вас жалостливо смотрел в один из тех 10 дней, проведенных Вами за наказание (так! — *В. Л.*) на одном месте.

Мне кажется, я на все отвечала — нет, я знаю, что не упомянула о лестном отзыве Вашем. Что у меня есть слабые и усталые глаза, в том убедилась я с некоторых пор — что они были хороши, я прежде слышала, что Вы их находите милыми и добрыми, вот в чем я уверяюсь немедленно, потому что это мне особенно приятно.²³

---

^е я хочу сказать недостаток ума, но не его отсутствие, не может называться способностью усваивать, это способность копировать, не имеющая никаких достоинств, она тем неудобна, что бессознательное подражание часто неприятно — это меня, конечно, не украшает — это изъян умственного склада, который я признаю с сожалением. — Вы скажете о том, что я пишу — это не имеет значения, потому что это не перейдет ни в печать, ни в потомство (*франц.*).

^{*} ни капельки, как говорят на старофранцузском языке (*франц.*).

Кончаю длинное письмо. Я не умею писать по-русски — со времен Пушкина мы не подвинулись вперед — говорю это к стыду моему. Впрочем, я мало училась грамоте, и то урывками в зимнее время, до 16 лет, когда кончила воспитание: — оно, вероятно, заметно, но прощу Вас не замечать. Вы не судья моему *кривописанию*, потому что слова, сказанные от сердца, не подходят под критику литератора, но принадлежат оценке человеческого чувства.

Прощайте, Иван Сергеевич — постарайтесь быть счастливым. Как-то счастье идет в руки тем, которые ищут его спроста.

Вас искренно уважающая
Гр. Ламберт.

Laissez-moi vous écrire dorénavant dans une langue qui m'est plus familière.³

¹ Имеется в виду письмо Тургенева к гр. Ламберт от 9 (21) мая 1856 г., открывшее серию «длинных» писем, носивших задушевно-откровенный, исповедальный характер (См.: *Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 92—93).

² *Протей* — в греческой мифологии морское божество, наделенное способностью принимать облик различных существ и многознанием.

³ В упомянутом выше письме от 9 (21) мая Тургенев признавался: «Мне очень жалко, что я так поздно с Вами познакомился <...>» (*Тургенев*. Письма. Т. 3. С. 92).

⁴ Стих из письма Татьяны к Онегину.

⁵ В одном из более поздних писем к Тургеневу графиня высказалась более откровенно, назвав среди таких «добрых» людей, не умеющих «ценить других за сердечные порывы», своего деверя графа *Карла Карловича Ламберта* (1815—1865): «Ему все кажется, что такие-то поступки неприличны; что дама порядочного общества не должна любить горячо; — что все это экзальтация гордого ума, который непременно хочет выходить из обыкновенной колеи — пустая восторженность, которую надобно поражать смехом или холодностью — какое горькое чувство шевелится в душе моей, когда я вспоминаю прошедшее и даже думаю о настоящем» (*Granjard*. P. 109).

⁶ Тургенев покинул Петербург 3 (15) мая 1856 г. и направился в Москву, откуда 6 (18) мая выехал в Спасское.

⁷ Лицо неустановленное.

⁸ Неточная цитата из «Евгения Онегина». У Пушкина: «Она глядит — и сердце в ней / Забилось чаще и сильнее» (Глава 7, XV, ст. 13—14).

⁹ *Нимрод* — в ветхозаветной традиции богатырь и охотник, необыкновенную удачу которому приносили одежды, шитые Богом для прикрытия наготы Адама и Евы; его царство размещалось в Месопотамии. В книге Бытия приводится поговорка: «сильный зверолов, как Нимрод, пред Господом» (10, 9—10). Имя Нимрода, ставшее в западноевропейских литературах и языках синонимом ловкого охотника, было известно также Тургеневу. См.: *Алексеев М. П.* Заглавие «Записки охотника» // *Тургеневский сборник: Материалы к полному собранию сочинений и писем И. С. Тургенева*. Л., 1969. Вып. 5. С. 212—214.

¹⁰ Речь идет о *Полине Виардо* (1821—1910), с которой Тургенев познакомился в ноябре 1843 г. в Петербурге, куда она приехала в качестве примадонны Итальянской оперы, открывшей тогда свой первый сезон в столице. Выступления П. Виардо в Петербурге пользовались огромным успехом; особый восторг публики вызывало исполнение певицей по-русски романса Алябьева «Соловей» в концертных номерах, обычно дававшихся после оперы. В рецензиях того времени ее часто называли «наш соловушка». Тургенев имел возможность неоднократно слушать П. Виардо и в следующие два сезона Итальянской оперы 1844—1846 гг. (с октября по февраль).

³ Позвольте мне впредь писать вам на языке, который мне более привычен (*франц.*).

¹¹ Гр. Ламберт перечисляет наиболее крупные оперные партии Полины Виардо, которыми она покорила петербургскую публику: партии Розины и Дездемоны («Севильский цирюльник»), «Отелло» Дж. Россини), Нормы (в одноименной опере В. Беллини) и роль Фидес (в опере «Пророк»), созданную Дж. Мейербером специально для нее. В статье «Несколько слов об опере Мейербера „Пророк“» (1850), написанной вскоре после премьеры оперы в Париже, Тургенев, характеризуя исполнение актеров, «первое место» отводит «Виардо, которая в этой роли окончательно стала на одном ряду с своей незабвенной сестрой» (Тургенев. Сочинения. Т. 4. С. 459).

¹² В ответном письме от 10 (22) июня Тургенев заметил: «...анекдот, рассказанный мною Вам о барыне, с которой я обедал и которая, нехотя, меня разочаровала, нисколько не относится к той женщине, о которой Вы пишете...» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 106).

¹³ *Нодье Шарль* (1780—1844) — французский писатель-романтик, автор романа «Жан Сбогар» (1818), которым увлеклась пушкинская Татьяна. Источник цитаты не установлен.

¹⁴ *Канкринна Зинаида Егоровна* (1821—1891) — старшая сестра гр. Ламберт. «Это кроткое, доброе и счастливое создание, — писала о ней гр. Ламберт, — обожает мужа, детей, живет только ими на свете» (*Granjard*. P. 114). В 1844 г. З. Е. Канкринна вышла замуж за гр. Александра Андреевича Кейзерлинга (1815—1891), выдающегося геолога и общественного деятеля. К 1856 г. гр. Кейзерлинг, на время покинув государственную службу, удалился с семейством в свое имение Райкюль в Эстляндии, где занялся хозяйством и долгое время исполнял обязанность предводителя эстляндского дворянства и президента Эстляндского общества сельского хозяйства.

¹⁵ Речь идет о *Софье Яковлевне Веригиной* (урожд. гр. Булгари; 1819—1898), супруге ген.-л. А. И. Веригина (1807—1891) и приятельнице гр. Ламберт, с которой Тургенев через Елизавету Егоровну познакомился в 1856 г. С. Я. Веригина долгое время была попечительницей Николаевского детского приюта, рассчитанного на 120 детей и включавшего сиротское отделение на 30 девочек. На протяжении 1857—1866 гг. гр. Ламберт исполняла обязанности ее помощницы. Впоследствии С. Я. Веригина вместе с гр. Ламберт входила в состав почетных членов Санкт-Петербургского Совета детских приютов.

¹⁶ Муж гр. Ламберт, *Иосиф Карлович Ламберт* (1809—1879), в 1856 г. был в чине полковника лейб-гвардии гусарского полка.

¹⁷ В первом письме к гр. Ламберт Тургенев признавался: «В г-же Веригиной мне нравится то, что она Вас любит» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 93).

¹⁸ В том же письме Тургенев настоятельно рекомендовал Е. Е. Ламберт заняться чтением Пушкина: «Вы мне говорили, что Вы теперь уже почти ничего не читаете. Возьмитесь за Пушкина в течение лета — и я тоже буду его читать, и мы можем говорить о нем» (Тургенев. Письма. Т. 3. С. 93). Вопрос о Пушкине, дискуссии о котором, судя по переписке, уделялось немало времени, наиболее ярко обрисовывает характер и позицию гр. Ламберт в отношении литературного творчества. Впервые на это обратил внимание В. А. Громов (см.: *Громов В.* Под сенью Пушкина. Литературные очерки (об И. С. Тургеневе и А. С. Пушкине). Орел, 2001. С. 75—77). Отзвуки этой полемики с гр. Ламберт отразились в творчестве Тургенева, например, в его повести «Фауст».

¹⁹ Возможно, имеется в виду Л. Н. Толстой, которому принадлежит прозаическое переложение Молитвы Господней. О попытке писателя переложить «Отче наш» графиня могла узнать от Тургенева, тесно общавшегося в это время с Толстым.

²⁰ *Соломон* — третий царь Израильско-Иудейского царства (ок. 965—928 гг. до н. э.), славившийся, согласно ветхозаветной традиции, необычайной мудростью. Ему приписывается авторство ряда библейских книг: Книги Притчей Соломоновых, Екклесиаста, Песни Песней, девтероканонической книги «Премудрость Соломона», апокрифических «Завета Соломона» и «Псалмов Соломона». Оставленные Соломоном книги говорят о том, что он был человеком, испытавшим все удовольствия жизни, до конца испившим чашу земных радостей и постигшим суежность всего земного.

²¹ Графиня *Мария Николаевна Толстая* (1830—1912), сестра Л. Н. Толстого, супруга В. П. Толстого (1813—1865), с которой Тургенев познакомился осенью 1854 г. в Покровском (имении Толстых, расположенном недалеко от Спасского-Лутовинова) и в которую, по собственному признанию, «едва ли не влюбился» (Тургенев. Письма. Т. 2. С. 311). Весной и летом 1856 г. он особенно часто виделся с М. Н. Толстой; о своем намерении встретиться с ней Тургенев сообщил и в письме к гр. Ламберт: «...я здесь почти никого не

буду видеть, исключая одной графини Толстой, сестры литератора, очень милой женщины — но с некрасивыми руками, — а для меня это — если не все, то почти все» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 92—93*).

²² Речь идет о *Николае Николаевиче Тургеневе* (1795—1881), с которым Тургенев в годы детства и юности был очень дружен. С 1853 г. Н. Н. Тургенев управлял имениями, перешедшими по наследству к писателю. В своем первом письме к гр. Ламберт Тургенев писал: «Здесь живет мой дядя, добрый и простой человек, который управляет моим имением» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 93*).

²³ Графиня откликается на следующие слова из письма Тургенева: «Кстати, какие у Вас добрые и милые глаза!» (*Тургенев. Письма. Т. 3. С. 93*).

2

21 февраля (5 марта) 1862 г. Петербург

S. Pétersbourg. 21 Février. 1862.

Нет, милый Иван Сергеевич, моя душа не требует ничего особенно — моя скорбь не есть минутное горе, временное терзанье, отчаяние, за которым следует развлеченье.¹ — Я не забуду никогда — но моя жизнь не без утешенья на земле, потому что мое сокровище на небесах. Ту будет сердце Ваше, сказал нам Небесный Утешитель и Помощник.² — Зачем мне уединение, отчуждение от старого, удаление от друзей и братьев — мне все нужны. Я всем нужна: — мне теперь все свои, нет чужих людей. — Вы тоже для меня дороги и близки как прежде, но я заметила [в Вас] какое-то разъединение меж нами, точно мое горе стало между нами стеной, точно Вы со мной уже обращаться не умеете. — Вы перестали писать³ — я на Вас не сердилась и даже не сомневалась в теплом участии Вашем ко мне, но я поняла, что на Вас — человека, преисполненного жизнью земной, — смерть, гроб, ладан, черные покровы наводят [на Вашу душу] такое тяжелое впечатление, что Вы чувствуете одну потребность невольно удалиться от печального зрелища после нескольких слов сожаления и участия.⁴ Таких людей я понимаю — я сама — в годы молодости и сравнительного счастья — чувствовала над своей душой этот самый невыразимый гнет ужаса и тоски перед картинами разрушенья, перед тем, что напоминало о скоротечности наших дней, наших чувств; — точно перед развенчанным королем — с какой-то неловкостью и высоким почитанием к высокому горю, удалялась я тоже от скорбящих. Слезы пугают людей — я не плачу или плачу одна. — Я не сожалею о том, что он рано ушел в лучший мир, куда его молитвы мои и многих людей провожают ежедневно — он ушел *моим*, молодым, еще добрым — не отвык он от матери — не привязался он еще крепкими узами ни к чему — ни к кому другому — ушел он еще ребенком душой и почти телом — взят он был от тревог, от бурей, от напастей — чем бы он кончил — Бог один знал, что было для него и для меня лучше — так Бог и сделал.

На этот раз не могу [я] больше писать — вообще — хотя моя жизнь потекла своим прежним порядком, не могу я еще привыкнуть к пись-

мам. — Я говорю обо всем — не могу я ни о чем писать — меня одно только и занимает, а я не хотела бы надоесть никому своими чувствами и одним и тем же разговором.

Пишите Вы — не забывайте меня.

Ваш искренний друг Е. Л.

Муж Вам сердечно кланяется.

Благодарите Полинку⁵ за письмо — когда-нибудь соберусь ей отпечатать.

¹ Е. Е. Ламберт отвечает на письмо Тургенева от 14 (26) февраля 1862 г., в котором писатель высказал опасение, что после постигших семью графини несчастий — смерти сына, скончавшегося 3 (15) ноября 1861 г. в возрасте 17 лет, предшествовавшей ей 29 октября (10 ноября) в Париже смерти брата В. Е. Канкрин, а также неприятностей, сразивших деверя К. К. Ламберта, и тяжелой болезни младшего брата О. Е. Канкрин — она решит отказаться от переписки с ним, чувствуя «потребность уединиться, отвернуться от всего», что ее прежде занимало: «Скажите мне одно слово — и я пойму, что мне следует делать. Если Вам теперь действительно нужно уединение, я не стану Вас тревожить <...>» (Тургенев. Письма. Т. 5. С. 21).

² Имеются в виду следующие слова из Нагорной проповеди Иисуса: «... ибо, где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (ср.: *идѣже бо естъ сокровище ваше, тѣхъ будетъ и сердце ваше*) (Мф. 6: 21).

³ Графиня сетует на почти трехмесячный перерыв в переписке, наступивший вскоре после похорон В. Е. Канкрин, состоявшихся 23 ноября (5 декабря) на Смоленском лютеранском кладбище в Петербурге. Предшествующее письмо было написано Тургеневым 10 (22) декабря 1861 г. и, по-видимому, осталось без ответа.

⁴ В ответном письме от 2 (14) марта Тургенев писал: «...прочтя Ваше письмо, я и порадовался и опечалился и — грешный человек! — подумал: увы! для чего я не такой, каким меня воображает графиня — для чего я не человек, „преисполненный земной жизнью“ и преданный ей! Это сожаление и грешно и странно — но я не могу от него избавиться — и если я еще не успел прикинуть мыслью к неземному, то земное *все* давно ушло от меня — и я нахожусь в какой-то пустоте, туманной и тяжелой — и уже несколько не расположен отворачиваться от картин разрушения, черных покровов, горя и т. п. В этом отношении я могу вполне Вам сочувствовать, и Вы напрасно воображаете, что Ваша печаль стала *стеной* между нами» (Тургенев. Письма. Т. 5. С. 27—28).

⁵ Речь идет о дочери Тургенева — *Полине Тургеневой*, в замужестве Брюэр (1842—1919), с которой гр. Ламберт познакомилась в Париже в середине августа 1860 г. и которой очень симпатизировала. Завязавшие между ними дружеские отношения поддерживались после отъезда гр. Ламберт из Парижа регулярной перепиской (по-видимому, полностью утраченной). Живое участие гр. Ламберт в судьбе Полинки нашло отражение и в ее переписке с Тургеневым.

3

6 (18 февраля) 1863 г. Петербург

С.-Петербург. 6 февраля 1863.

Добрый мой Иван Сергеевич — одно только могу я Вам сказать, что я Вас очень люблю и притом искренно Вам благодарна за Ваше письмо:¹ — не прибрать мне к этим милым строкам подобающего прилагательного. Вы не поняли моего письма к Полинке — не могла я

сказать, *ни подумать*, что желаю отказаться от переписки с Вами. Это значило бы лишиться себя немалого утешения — и сколько я не составила, сколько не чувствую себя равнодушной к многим радостям жизни — все-таки есть во мне какой-то тлеющий огонек — что-то теплое для тех друзей, которых я разлюбить и забыть не в состоянии. Да зачем же забыть. — В стенах монастырских и под черной рясой бьются сердца неотжившие, и наша высокая Материнская Церковь не воспрещает оставить за собой то чувство, очищенное и святое, которое <по>мимо надежды и веры, — *конец имущих на Земле* — последует за нами в Отечество души. Я Вас буду любить (и не считаю добрым отвыкнуть от любви), я Вам буду писать. Вам показалось, что я хочу оторваться от прошедшего, сузить и окоротить себя во всем. — Не то я хотела выразить, той мысли, что не могу более писать, *даже к Вам*. Я себе не запрещаю сердечную беседу и не вижу вреда для души в таком препровождении времени, но я боялась Вам надоесть — (иначе оно и не может быть!) — не имея более тех живых впечатлений, тех дум, тех умственных интересов, которыми, бывало, так охотно делилась с Вами. Все это прошло безвозвратно, и я поняла, что отношения мои к Вам, если не переменились в сущности, то измениться должны были в видимых проявлениях, т. е. любить я все-таки могла Вас по-прежнему, а писать было уже незачем, потому что рассказывать [мне] Вам было нечего. Один раз я о Вас вспомнила и невольно улыбнулась при мысли, что можно и мне выяснить Вам кое-что от русского характера в странных обстоятельствах — *j'ai un petit asile de Filles Repenties*² — *pour recueillir celles qui veulent rentrer dans la voie du bon*^a — извините опять по-французски. Когда я принимаю новую кающуюся, то сама с ней говорю, объясняю ей новые обязанности и представляю гнусность прежней жизни. Приходит 16-летняя девушка, промышляющая с 15-летнего возраста непотребством — *le mot est technique*^b — чему я не выучилась на старости лет. «Тебя что привело в приют?» — «Да вот, матушка, мы с *девицами* сидели накануне Рождества — в баню-то хозяйка отпустила, а когда стали проситься и к Заутрене великой, отказала. С той поры задумала убежать от нее». Пустится француженка, англичанка на грех, это потому что Бога забыла, а русская из дома терпимости отпрашивается к Заутрене! — что это? смирение или верх бесстыдства! — Другая из них по истечению срока в Приюте отдает себя на поруки 15-летнему сыну! — я отказала такому поручателю.

Я больна, страдаю горлом — доктора запрещают говорить, что будет со мной. Впрочем, мое земное счастье такого свойства, что целиком можно было бы его перенести на то серенькое, а все-таки светлое небо. Солнце проглядывает сквозь тучи, на которые я теперь смотрю с чувством умиления и любви.

^a есть у меня приют для раскаявшихся девиц — чтобы принимать тех, кто хочет вернуться на праведный путь (*франц.*).

^b зд.: так сказать (*франц.*).

Прощайте; я Вам передаю поклон мужа. Поцелуйте Полинку и не забывайте

Вашего искреннего друга
Е. Ламберт.

Remettez cet album à votre fille.^в

¹ Имеется в виду письмо Тургенева от 17 (29) января 1863 г., в котором упоминается не дошедшее до нас письмо Е. Е. Ламберт к его дочери Полине. По-видимому, в этом письме графиня писала о своих душевных страданиях, связанных с утратой сына, и о вызванном ими стремлении к большему уединению, следствием которого явилось наступление некоторого отчуждения в отношениях между ней и многими прежними друзьями, в том числе и Тургеневым. Это письмо гр. Ламберт писатель неверно истолковал как проявление «отчуждения ото всего прошедшего» и желание полностью прекратить общение с ним: «Я не смею даже пытаться нарушить Ваше решение — никто не имеет права трогать заветные струны чужой души, даже самой близкой: — но Вы мне позвольте подавать иногда о себе весть <...>» (*Тургенев. Письма. Т. 5. С. 143*). Смерть сына явилась тяжелым ударом для гр. Ламберт, еще более укрепив в ней религиозное направление духа. Как вспоминала Н. В. Стасова, «в отчаянии от потери единственного, 18-летнего сына, и много настрадавшись от личных несчастий, она искала какой-нибудь деятельности, которая была бы полезна для других и способна была бы поглощать всю ее жизнь» (см.: *Стасов В. Надежда Васильевна Стасова. Воспоминания и очерки. СПб., 1899. С. 82*).

² Речь идет о приюте Св. Магдалины при Калинкинской больнице, первом приюте для падших женщин, открытом графиней Ламберт в 1862 г. в Петербурге на собственные деньги. В дальнейшем подобные приюты открылись еще в некоторых городах. В них содержалось небольшое количество женщин (20—25), находивших здесь на несколько месяцев приют. Их обучали грамоте, закону Божию, швейному делу или огородничеству. В своих «Записках» Н. В. Стасова приводит любопытные сведения об устройстве и порядках, принятых в доме для «магдалин», в котором ей самой довелось проработать два года в начале 1860-х гг. «Туда поступали для того, чтобы избавиться от страшного „желтого билета“, полицейско-медицинского. Несчастные девушки желали сбросить с себя весь ужас своей горькой жизни и начать опять заработок честным трудом. Конечно, туда приходили добровольно, конечно, очень многие приходили с трудом, хотя желание было у них и сильное, но сбросить жизнь безобразную очень, очень трудно: там была роскошь грязная и праздность жестокая, там они ходили в шелку, бархате, здесь в ситцевых платьях и толстом белье; там — вино, здесь — вода; там — ничегонеделанье и постоянное гулянье, катанье и так далее, здесь — работа с 7 часов утра и регулярная жизнь. Все это бы ничего, надо было, конечно, приучать их к трудовой жизни, от которой они совершенно отвыкли, но нельзя было только что поступавшим читать все только моральные книги, над которыми они подсмеивались, зевали и, можно сказать, засыпали. А главное, нельзя было так сразу лишать их совершенно свободы. Их запирали в дом и выпускали лишь в сад домовый, и в комнатах даже следили за каждым их шагом: это было многим нелегко. Очень редкие могли выдерживать такое испытание, многие уходили». Несмотря на столь суровые условия, многих девушек, как отмечает Стасова, «удалось поставить на ноги и дать совершенную свободу» (Там же. С. 82—83).

^в Передайте этот альбом вашей дочери (*франц.*).